

Хозяйство вести или писать об этом?

Жукова Т. А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк. Краснодар: КубГАУ, 2020. — 188 с. ISBN 978-5-907373-20-4

В. В. Бабашкин

*Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-4-191-199

По поводу вынесенной в заголовок этой рецензии формулировки предвижу вопрос: почему «или»? Что мешает делать и то, и другое? Теоретически возможно, на практике встречается редко, поскольку ведение крестьянского или фермерского хозяйства — дело настолько трудоемкое, что не распишешься. С другой стороны, писать об этом нечто вразумительное, аналитически содержательное тоже очень непросто. Примеров удачного сочетания того и другого не так уж много. И автор «Земли и людей», кандидат философских наук, хозяйка собственной фермы в Краснодарском крае Татьяна Андреевна Жукова меня как человека, решившегося опубликовать рецензию на этот ее дневник фермера, сразу настроила на сугубо позитивный лад, упомянув уже на четвертой строчке авторского предисловия к своим запискам «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта. Я очень люблю эту книгу, ценю ее превыше многих политэкономических сочинений на ту же тему и считаю предвестницей появления в XX веке книг по крестьяноведению, в основе которых — личный опыт участия исследователей в анализируемых хозяйственных практиках. Т. А. Жукова, чувствуется, тоже неравнодушна к Энгельгардту, неоднократно цитирует его «Письма» применительно уже к ситуациям, в которых она в роли краснодарского фермера оказывается в веке XXI.

Несколько слов об авторе, ибо личность того, кто решился делать, а затем публиковать подобные дневниковые записи, имеет очень важное значение. Родилась в станице Стародеревянковской Каневского района Краснодарского края и в школе училась в той же деревне. Жители Каневского района называют ее род-

ную станицу деревней, и это тоже немаловажная деталь для того, что я ниже буду писать о ее документальном очерке: у казачьих станиц Краснодарского края и Ставрополя есть много специфических черт, отличающих эти сельскохозяйственные поселения от российских деревень Средней полосы или Севера. Но много есть и общего, и, если местные жители фиксируют это даже на уровне слова «деревня», это очень важно. «Когда пришло время выбирать профессию, — пишет Жукова, — я для себя точно знала, что хочу справедливости в этом мире. А поэтому только юрфак. Собиралась стать адвокатом» (с. 14). Две неудачные попытки поступления на юридический, и, волею судьбы, она — студентка очного отделения философского факультета КубГУ. Это точно судьба, иначе из-под пера фермера с юридическим образованием вышли бы несколько другие очерки, если вообще возникла бы потребность фиксировать бытийно-этическую сторону деревенской жизни на бумаге.

«Прожив двадцать лет в городе, — пишет автор далее, — мы с семьей приняли решение переехать в село, в мою родную станицу. Подключились к делу родителей — фермерству. Этот эпизод моей жизни и натолкнул моего учителя на мысль о включенном наблюдении в среде фермеров и просто жителей села. Так появилась эта книга» (Там же). Учителем она в данном случае называет старшего коллегу по кафедре социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета А. А. Хагурова, который опубликовал в рецензируемом издании вступительную статью под названием «Крестьянство в фокусе социальных наук». Должен отметить, что случай с «Землей и людьми» действительно нетривиальный: женщина с мужем и тремя детьми возвращается в родную деревню с настроением не просто включиться в дела родительского фермерского хозяйства, но еще и фиксировать в дневниковых записях все то, что ей как специалисту высшей квалификации в области социологии и культурологии покажется достойным внимания и осмысления.

Записки сделаны простым хорошим доступным языком без излишних «красивостей». Открываются они 21.08.2016, т. е. моментом переезда из города в деревню. И сразу же идут некоторые подробности организации того небольшого крестьянского (фермерского) хозяйства, в котором у родителей скопилось около 100 га обрабатываемой земли. В начале 2000-х годов было намерение еще и держать животных и птиц, и по двору, помнится, «важно выхаживали разные диковинные птицы, а также гуси, утки, куры. Но сейчас это все в прошлом. После часто повторяющихся всевозможных эпидемий, то птичьего гриппа, то свиного, родители прекратили заниматься животноводством и сосредоточились исключительно на растениеводстве» (с. 16). Землю для создания своего фермерского хозяйства они получили изначально в 1992 году в соответствии с Законом РСФСР

от 22.11.1990 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», когда колхозы, владевшие всей землей сельскохозяйственного назначения, сплошь и рядом преобразовывались в акционерные общества. Земли фермерам тогда выдавались не самые лучшие: неудобья, подтапливаемые низины, суглинистые участки, овраги. Поэтому с широко пропагандируемой тогда технологией *no-till* решили не рисковать, тщательно обсуждая, где конкретно и под какие культуры можно ограничиться дискованием почвы, а в каких случаях обратиться к помощи чизеля, т. е. к обработке глубокорыхлителем.

Тема собирания земель под родительское земледельческое хозяйство занимает в воспоминаниях и размышлениях Жуковой особое место. Автор постоянно возвращается к этой проблеме и, кажется, не только потому, что количество и качество земли — едва ли не главная характеристика любого аграрного предприятия. Дело в том, что ни в какой другой системе социальных координат не высвечивается так отчетливо то, что в русском языке называется правдой, справедливостью, как в системе «человек — земля», «Земля и Люди». В классическом советском фильме о Гражданской войне звучала песня на стихи Р. Рождественского, в которой были такие слова: «Много в поле тропинок, только правда — одна». Вспомним, кем и почему мечтала стать Таня, дважды неудачно пытаюсь поступать на юрфак. Думала о профессии адвоката, точно зная для себя, что хочет «справедливости в этом мире». Но кому, как не адвокату, доподлинно известно, что у истца — своя правда, у ответчика, как правило, — своя. Вот уже дважды, я считаю, повезло в жизни будущему автору «Земли и людей»: получила базовое философское образование и попала на работу в аграрный вуз. Я это пишу со знанием дела, поскольку когда-то жизнь меня загнала в аналогичную ситуацию. Я в хорошем советском вузе получил историческое образование, а затем после службы в армии попал в ассистенты кафедры научного коммунизма Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования (ВСХИЗО). В «антисоветские» времена институт, естественно, переименовали в университет — Российский государственный аграрный заочный университет (РГАЗУ). Но я сейчас не о смелых высказываниях, а вот о чем. У студентов такого вуза, взрослых уже людей, приезжающих на учебу, на сессию из хозяйств (ранее — из колхозов, в 1990-е и далее — откуда только не), как правило, присутствует внутреннее чутье правды и справедливости. Я очень боялся сфальшивить, преподавая им такую дисциплину (а ее в СССР преподавали на выпускном курсе), как научный коммунизм. А антикоммунизм, в который очень сноровисто переформатировали его в 1990-е годы вчерашние представители советской идеологической элиты, я уже не преподавал, сформировав для себя основы каких-то своих историсофских убежде-

ний, коими руководствуюсь и поныне в своей преподавательской деятельности.

Итак, первые 18,32 га родители Татьяны Андреевны получили в собственность по государственному акту на основании постановления администрации Каневского района от 16 ноября 1992 года. Инициатором того, чтобы взять землю в собственность под фермерское хозяйство, была бабушка Прасковья Матвеевна. Не будучи специалистом сельского хозяйства, она прошла бесплатное обучение в Каневском учебном комбинате и, подавая заявление на землю, просила выделить участок поблизости от станицы Стародеревянской, где располагались земли бывших колхозов «Россия» и «Кубань», теперь преобразованных в акционерные общества. Получила ответ в сельсовете, что эти земли уже распределены, и почувствовала некоторую обиду, узнав, что распределены они между работниками сельсовета. Из бесед с земляками стало выясняться, что приблизительно такая же ситуация и с землями возле станицы Каневская: ближние и самые удобные участки оказались в распоряжении тамошних служащих сельсовета (с. 57-58). Разумеется, что на такую посевную площадь фермеру по здешним местам выпускать серьезную технику нерентабельно, и автор дневника показывает, как родители очень постепенно, вступая в партнерские отношения с арендодателями земли, подкупая участки по мере возможности, расширяли свой посев, приближаясь к той заветной сотне гектаров. Один из примеров из этого смыслового ряда — покупка в 2003 году участка в 22,9 га у Л. М. Шиманской. Автору очень важно показать, что в этом случае не было никакого обьегоривания или чего-то в этом роде, хотя на страницах книги достаточно примеров того, насколько непорядочно иной раз могут повести себя фермеры в своем стремлении расширить землевладение.

До середины 1980-х годов родители жили с Л. М. Шиманской по соседству, на одной улице, а кто жил в сельской местности, «тот представляет, что все почти как родственники. Поэтому Лариса Михайловна без колебаний и страха обратилась к родителям с просьбой о приобретении земельного участка. Хочется отметить, что родители никогда не торговались о стоимости земли, а выплачивали столько, сколько просил собственник участка. Еще и пытались отговорить от продажи: «Может, просто в аренду?»» Смысл последнего вопроса — одна из многих важных деталей, которые становятся лучше понятны, когда читаешь эти дневниковые записи. Его, к примеру, объясняет история, произошедшая с двоюродной сестрой бабушки Прасковьи Надеждой Александровной Мудрак. Свой участок она несколько лет сдавала в аренду знакомому фермеру, получая не слишком высокую плату. Когда фермер принес новый договор, на всякий случай посоветовалась с мамой Татьяны Андреевны: «Прочитав договор, мама объяснила, что если тетюшка подпишет его, то земли больше не увидит

ни она, ни ее наследники. Бабушка Надя не поверила маме, а поверила фермеру. Мама оказалась права, но было уже поздно что-либо менять» (с. 20-21).

Еще одна история из этого же смыслового ряда выглядит совсем уж мрачновато. Был в станице Каневской межколхозный откормочный комплекс (МОК). Когда в процессе приватизации земли в районе определяли размеры пая, с которым бывшие колхозники должны были выходить из колхозов, получилось 4,58 га. А на работников МОК приходилось аж около 11 га! Такое не могло не заинтересовать скупщиков-перекупщиков. Работал на комплексе Г. И. Коваленко, с женой которого разговорилась Жукова. Так вот, к нему однажды пришли и предложили продать землю за символическую сумму, а в ответ на законное возмущение сказали, что «если сейчас не продаст, то через некоторое время сам приползет с участком в зубах. И Геннадий Иванович, конечно, продал» (с. 58). Хотя специалистам по истории современного аграрного реформирования в РФ подобные истории, к сожалению, известны в изобилии.

Очень интересные соображения высказывает автор «Дневника фермера» в отношении целесообразности и принципиальной возможности фермерской кооперации. При этом она опирается на реальный опыт родительского хозяйства, когда отец предпринял попытку работать сообща с одним из фермеров по соседству — Юрием Симоновым, «у которого на момент объединения было земли в три раза меньше. Да и техники негусто: трактор МТЗ-82 с тележкой, плуг, комбайн “Нива”. У родителей же: Т-150, МТЗ-82, МТЗ-1025, Т-40 (так называемый “девешёнок”), комбайн “Нива”, плуг, две сеялки, два культиватора, два дискатора, бороны, катки, РУМ, два опрыскивателя, бочки от 0,5 куб. м до 8 куб. м. А главное, была база, был построен ангар, жилой дом, гараж, помещения для ведения подсобного хозяйства и животноводства» (с. 62). Я привел эту выдержку из текста рецензируемой книги не только для того, чтобы мы могли составить лучшее представление о размерах родительского хозяйства в недавнем прошлом. И даже не для того, чтобы показать, как лихо наша героиня, кандидат философии, разбирается в сельхозтехнике — для практикующего фермера, который вот уже шестой год на земле в том самом, священном, смысле этого слова, такое вполне естественно. Просто многие из новых героев «Дневника» появляются на его страницах не только с именем, отчеством и фамилией, но еще и в сопровождении информации об имеющейся в распоряжении земле и технике. Это придает и без того с интересом читаемой книге дополнительный эффект какой-то основательности, достоверности.

Возвращаясь к недолгой жизни кооператива. Родители, будучи старше Симоновых на пятнадцать лет, изначально предложили все полученные доходы, за минусом расходов, делить пополам. Равными долями в прибыли предполагали более молодым партнерам

компенсировать то обстоятельство, что не смогут работать с ними на равных физически. Поначалу это выглядело вполне справедливым. Так и продолжалось несколько лет. Однако со временем, когда партнеры родителей крепче стали на ноги, с их стороны появились претензии на корректировку условий партнерства, и кооператив развалился. Вернулись к работе по отдельности. Но дело этим не закончилось, и бывшие партнеры повели по отношению к родителям не слишком честную игру в стремлении перетянуть в свое хозяйство, что называется, правдами и неправдами как можно больше арендодателей. Слава богу, эти неприятности для родителей закончились относительно благополучно, по поговорке: «Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Но теперь уж муж Татьяны Андреевны «ни о каких таких совместных “экспериментах” и думать не хочет: “уже пробовали”. Кто обжегся на молоке, дует и на воду» (с. 63).

И все же на страницах «Земли и людей» в общем и целом звучит жизнеутверждающий мотив по проблематике фермерской кооперации. Вот 3 декабря 2017 года приехал Юра Симонов с женой Валей, предложили «посидеть, поговорить, пожарить шашлыки». Во время застолья Татьяна рассказывала о своей поездке в Польшу, делилась впечатлениями от тех кооперативов, что тамошние фермеры создают для сбыта своей продукции: «Кооперативы диктуют цены на сельскохозяйственном рынке. Штат кооператива составляют 2–3 человека, зарплата которых напрямую зависит от доходов производителей — чем они выше, тем выше и их зарплата. Наши фермеры говорят, что у нас таких штатов в кооперативе быть не может, поскольку у нас штаты любой структуры искусственно “раздуваются”. Вот и процветают в России перекупщики, получая доход больше, чем производители и переработчики сельскохозяйственной продукции» (с. 61). А в июне 2020 года автор, специально анализируя деятельность фермеров ближайшей округи на предмет не формальных, но реальных, жизненных форм сотрудничества, кооперирования, приходит к выводу, что дружба и взаимопомощь играют большую роль в их жизни, исторически укоренены в нашем национальном характере и составляют для земляков ценности первого ряда. И есть большой смысл в том, чтобы осознанно, целенаправленно работать в направлении всяческого поощрения этих своих душевных качеств, поскольку «деловое сотрудничество, так же как и брак, существуют в мире неслучайно, а являются гениально разработанными Творцом мироздания технологиями для нашего роста и развития» (с. 169).

Все это она докладывала в своем выступлении на круглом столе, который был специально организован 28 июня в Новопокровском районе Краснодарского края для пропаганды возможностей и форм дальнейшей кооперации фермеров. Отмечала она и тот факт, что очень многое в этом государственно важном деле за-

висит от того, насколько ответственно относится к нему районное руководство. Разные аспекты этой сложной и многогранной проблемы отмечались в других выступлениях на этом собрании. В частности, Айтөч Аюбович Хагуров, доктор социологии, профессор, автор упомянутой выше вступительной статьи к «Земле и людям», объяснял «всем собравшимся значимость исследовательского интереса к селу именно гуманитарных наук. Так, в крае существует множество НИИ разных направлений и ни одного — напрямую изучающего человека. Безусловно, роль гумуса неоспорима в земледелии, механизация и автоматизация труда актуальны в нашем мире. Но сам человек, его выбор в той или иной жизненной ситуации, порой остается за бортом исследовательского флагамена науки в сельском направлении. А ведь от того, какой шаг сегодня и завтра сделает каждая личность в той же агро-сфере, зависит и сокращение, и приумножение гумуса в наших почвах, и уплотнение почв от чрезмерного использования сельхозтехники, и присутствие антибиотиков в молочной и мясной продукции» (с. 171-172).

Отметим, что к этому времени и муж Татьяны Андрей, который, как помним, не столь уж давно ни о каких таких совместных «экспериментах» и думать не хотел, потихоньку стал втягиваться в разные формы сотрудничества с коллегами, в том числе и с Юрием Симоновым. Тема Андрея и детей — еще одна сквозная тема рецензируемых записок, благодаря которой книга действительно читается с интересом — не только профессиональным (гуманитарные науки об аграрных отношениях), но и чисто человеческим. Меня, например, до глубины души тронула вот такая зарисовка с натуры. «22.09.2017. Начали сев озимой пшеницы... 33 га были засеяны за 5 дней. В силу того, что старшие дети находятся на учебе в школе, мама на работе, в севе принимают участие три члена нашей семьи: муж, я и младший сын Алёша, которого из-за сезонной ОРВИ мы не можем водить в детский сад. Андрей работал на тракторе с сеялкой, мы с Алёшей помогали загружать сеялку зерном и удобрениями. Работа с механизмами сыну по душе. После завершения посевных работ Алексей много раз просился в поле и делился со своими детсадовскими сверстниками и воспитателями различными нюансами проведения сельскохозяйственных работ» (с. 55).

А с какой любовью Татьяна описывает все те ситуации, в которых проявляется природная хватка, крестьянская смекалка и огромное трудолюбие мужа Андрея. Вот идет уборка пшеницы с поля в 50 га, и идет она вполне успешно: «Наблюдали за нами все. Ведь городские приехали! А когда узнали, что муж по образованию юрист и экономист, но никак не агроном и не механизатор, а я — доцент кафедры социологии и культурологии, кандидат философских наук, интерес крестьянско-фермерского сообщества к нам возрос» (с. 49). Или еще: «09.11.1017—01.12.2017.

У нас в хозяйстве началась очистка подсолнечника. Процесс оказался длительным по нескольким причинам. Муж наотрез отказывался от привлечения наемных рабочих, мотивируя это тем, что деньги должны остаться в семье и никто, кроме него, не выполнит данную работу качественно. Ему приходилось работать за четверых: за тракториста, наполнявшего и поднимавшего ковш зерна до уровня “Петкуса”; подсобного рабочего, ведрами перегружавшего подсолнечник из тракторного ковша в “Петкус”; рабочего, принимавшего уже очищенную партию зерна в мешки, а также грузчика, переносившего эти мешки в КамАЗ». Сколько в этих строчках любви и гордости за мужа! И высшая похвала — уподобление А. Н. Энгельгардту, который, поселившись в деревне, «решился не заводить ни кучеров, ни поваров, ни лакеев, то есть всего, что составляет принадлежность помещичьих домов, что было одною из причин разорения небогатых помещиков, не умевших после “Положения” повести свою жизнь иначе, чем прежде...» (с. 60).

И, наконец, не могу удержаться от того, чтобы цитировать без всяких комментариев датированную 9 июля 2020 года концовку этих опубликованных дневниковых записей, чтение которых жаль прерывать, хочется читать дальше: «Труд хлебороба во все времена был почетен. Людей, внесших свой вклад в общероссийский каравай, чествовали всегда. Все понимают, что труд земледельца никогда не был легким. Понимать — много значит, а ощутить на себе дано не каждому. Люди так устроены, что перестают даже осуждать другого, испытав на себе то, за что ранее осуждали.

Андрей, перенесший несколько месяцев назад острейший кризис заболевания дыхательной системы и по строжайшей рекомендации врачей обещавший отказаться от работ в поле, косит пшеницу на комбайне. Им руководит желание сделать жизнь собственной семьи лучше. Его направляет внутренний дух, который и дает силы на преодоление всех сложностей уборочной страды. И правы те, кто считает труд комбайнера подвигом. Слова “поле” и “подвиг” неразделимы. А люди, труженики полей, которыми всегда гордилась Русь-матушка, вершат, вне зависимости от всяческих сюрпризов погоды, тот самый подвиг — уборку урожая. Эти люди носят гордое имя хлебороба, и главное достояние нашей родины это они сами — люди от земли, крестьяне, истинные земледельцы. Те, кто не привык сетовать на погоду, оправдываться другими проблемами в горячем стремлении все делать для других. Вот на таких людях и держится наш мир...» (с. 179-180).

To farm or to write about it?

Review of the book: Zhukova T. A. Land and People. A Farmer's Diary: A Documentary Sketch. Krasnodar: KubGAU, 2020. 188 p. ISBN 978-5-907373-20-4

Vladimir V. Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82.

E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

В. В. Бабашкин

Хозяйство вести или писать об этом?